

Леонид
АВКСЕНТЬЕВ
г. Петрозаводск

РЕЗЕРВ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ

Едва лишь баба Наташа успела нашинковать морковочку с лучком, как тут же и маслице зашипело на сковородке.

— Вот и хорошо, — сказала она, — сейчас мы вас подружним немного, и заправка к супчику готова.

В это время и закурлыкал телефон: — Иду, иду-у-у, — пропела баба Наташа и ловко опрокинула аппетитную горку с разделочной доски в жадно шкворчащую, пышащую жаром сковородку. А телефон меж тем не унимался. — Ой, да иду уже-е, — отвечала ему нараспев хозяйка, на ходу вытирая руки о передник.

Звонила дочь Даша из Питера, она была встревожена и расстроена: — Понимаешь, мама, у нас изменились обстоятельства, мы должны ехать в Монголию уже через три дня, поэтому детей придётся завезти к вам завтра утром. Вы как, не против?

— Да что ты, доченька, привозите, привозите, конечно, мы с дедом давно их ожидаем!

— Ну, спасибо, мамочка, извини, у меня совсем нет времени — завтра поговорим, пока.

— Пока, пока, — сказала баба Наташа уже текущим ей навстречу коротким гудкам. Счастливо

улыбаясь, она постояла ещё несколько секунд, словно ожидая чего-то, затем осторожно опустила трубку на аппарат и, стараясь быть спокойной, подошла к открытому окну.

Денёк выдался погожий, солнце припекало всю. Посреди двора с широко распахнутым капотом стоял их старенький, выдавший виды «Москвич». Казалось, он открыл его, чтобы ему было легче дышать в такую жару. В тени капота, склонившись над мотором и напевая себе что-то под нос, колдовал дед Витя. «Дед, — сказала она сдержанно, но глаза её светились от радости, — завтра дети приезжают». Звякнула какая-то железка, и дед, придерживая левой рукой уставшую от напряжения поясницу, медленно распрямился. «Звонили, что ли?» — недоверчиво спросил он, полуобернувшись к окну. «Да вот Даша только что звонила. Ты представляешь, им, оказывается, уже через три дня уезжать, поэтому решили, что внуков подбросят к нам завтра, а ты давай потихоньку заканчивай, у меня обед почти готов. Ой! — всплеснула она руками, — лук сгорел!» Впрочем, эта её фраза донеслась уже из глубины дома. Вскоре оттуда уже слышалось её ворчание и шкрябанье по металлу; кляня себя на чём свет

стоит, она выгребала ложкой угольки сторовешего лука и морковки с горячей сковороды. Однако эта неприятность ничуть не испортила её настроения. И через несколько секунд из дома уже долетал весёлый перестук ножа по разделочной доске. Вскоре обед был готов. «Витя, — появилась она в окне опять. — Ну стынет же всё, умывайся и иди есть». — «Иду, иду». — Дед Витя взял лежащую на бампере тряпку, тщательно вытер руки и закрыл разогретый солнцем капот. Затем сел за руль и, осторожно подавая машину задом, загнал её в гараж. Потом он подошёл к умывальнику, который был установлен тут же у гаража, умылся с мылом и аккуратно причёсался, глядя в небольшое зеркальце умывальника. И, мурлыкая себе под нос одному ему известную мелодию, вошёл в дом.

К аккуратности деда Витю приучили долгие годы службы в армии. Ему, как и бабе Наташе, за пятьдесят. Большую часть своей жизни они добросовестно оттрубили в Заполярье, в забытом Богом и Министерством обороны гарнизоне, с леденящими душу морозами и метелями зимой и с убийственными тучами мошкары летом. В самые трудные для страны девяностые годы их часть расформировали. Виктор Викторович с женой Натальей Павловной решили отправиться на его родину. Не юг, конечно, и даже не средняя полоса, но до Питера рукой подать, да и Москва в принципе не за горами. Им повезло — за небольшие в общем-то деньги удалось купить и этот домик, и старенький «Москвич» с гаражом. Имелся и небольшой огород, в котором исправно произрастало всё то, что и должно произрастать в огороде у работающих хозяев. Неплохая рыбалка, ягоды, грибы, всё это вместе — довольно ощутимое подспорье для стола пенсионеров. Кстати сказать, и пенсия, заработанная на Крайнем Севере, по здешним меркам была довольно приличная. Короче говоря — жить можно.

Дочь Даша, ещё учась в институте в Питере, вышла замуж за однокурсника, там они и остались после окончания учёбы. В институте им предложили интересную работу, жизнь потекла, как-то незаметно народились двое детишек. Старшему, Витюшке, шёл девятый год, а «стрекозе» Наташке — шестой. Это с их подачи Виктор Викторович и Наталья Павловна

стали называть друг друга «баба Наташа» и «деда Витя». Хотя, в общем-то, они были людьми ещё довольно крепкими. Вот разве что у Натальи Павловны иногда подсакивало давление, а Виктор Викторович нет-нет да и ощущал застуженную в вечной мерзлоте поясницу. Даша и её муж Дима по специальности — археологи. Каждое лето они уезжают в экспедиции на какие-нибудь раскопки. Этим летом они должны были через полмесяца ехать в Монголию, но чего-то там у начальства не заладилось, и сроки командировки были переиграны. Впрочем, этому обстоятельству старики были только рады. За долгую зиму они извелись, скучая по внукам. «А все-таки хорошая специальность у наших детей», — сказал Виктор Викторович. «Чего уж хорошего, каждое лето, как бродяги, по всей земле шатаются». — «Зато внуки у нас всё лето живут». — «Да это уж так», — уступила доводам мужа Наталья Павловна, улыбаясь. «А что по земле болтаются, это неплохо, — продолжал Виктор Викторович, — ума набираются, вон Дмитрия уже финны приглашают лекции читать, да и Дарья статьи в научных журналах печатает, так что всё у них идёт как надо».

После обеда Виктор Викторович имел обыкновение, устроившись поудобнее на любимом диванчике, подремать с полчаса под тихое бормотание телевизора. «Дед, а ты качели для внучки уже доделал?» — хитровато спросила баба Наташа, глядя, как он, сбросив тапочки, улёгся на своём диване. «Ой! — Виктор Викторович вскочил, — мне же их покрасить надо, а ты не знаешь, где у нас кисти?» — «Знаю, в чулане, на полке слева, только не знаю, где краска». — «Краска у меня в гараже, сейчас принесу».

И, забыв о своей давнишней привычке, Виктор Викторович поспешил на улицу. Немного погодя из палисадника, где над кустами смородины возвышалась свежеструганная перекладина качелей, уже было слышно, как он распевает свой неизменный мотивчик. А в руке его весело порхала кисточка.

— Успеет ли краска к завтраму высохнуть? — услышал он голос жены и обернулся. Наталья Павловна, в джинсах, ветровке и с сумкою через плечо, стояла на крыльце. «Успеет... Наташа, какая ты у меня красивая, — сказал Виктор Викторович, любясь своей женой. — Ты в магазин?»

— Да, — сказала она, немного смутившись, — её всегда смущали комплименты мужа. — Вчера в хозмаге видела пластмассовые леешки, думаю — куплю своей помощнице, будет мне поливать цветы.

— Купи, конечно, а ещё возьми мне, пожалуйста, сигарет, а то я уже все выкурил.

— Хорошо! — крикнула уже из-за калитки Наталья Павловна.

Хлопоты не кончались. Свою комнату они решили уступить внукам, а сами надумали перебраться на веранду. Старики встают рано, а веранда имеет свой отдельный вход, и значит, они могут спокойно заниматься делами по хозяйству, не нарушая детского сна.

Наконец к вечеру всё было готово для встречи внуков. В палисаднике голубели свежей краской новенькие качели, в теплице рядом с двумя большими лейками примостились и две маленькие — для внучки, а в сарае, под навесом, рядом с пучком длинных дедовских удилиц покоились и два коротеньких, лёгких удилица внука.

Ужинали поздно. «Слышь, бабушка, а ты сегодня никак сериал свой пропустила?» — спросил дед Витя иронически, в то же время сочувственно поглядывая на неё. «Да ладно, будет ещё этих сериалов», — сказала Наталья Павловна, подавая мужу кружку простокваши.

Вообще, это было удивительно, никогда раньше Наталья Павловна не позволяла себе пропускать хотя бы одну серию. Вот уже на протяжении нескольких лет за час до ужина она оставляла все дела, садилась к телевизору, поддвигала к себе пакетик жареных семечек и полностью отключалась от окружающей действительности до окончания сеанса. «Это у неё психологическая разгрузка», — объяснял Виктор Викторович друзьям и знакомым. А с жареными семечками случилась одна интересная история.

Дело в том, что в каждом пакетике этих самых семечек обычно попадает одна конфетка, «долгоиграющая», так про неё говорит баба Наташа. Хозяевам эти конфеты, что называется, были не по нутру. За несколько лет этих конфет набралась довольно объёмистая пластмассовая салатница, какого-то ядовито-синего цвета. В отличие от стариков, приезжающие каждое лето внуки были бы не прочь ими полакомиться, но старики свято блюли наказ дочери — «Ни под ка-

ким видом не давайте им конфет!» Дело в том, что зубы у обоих внуков никуда не годились. Баба Наташа ворчала: «Вот оно, влияние Крайнего Севера, и ведь отразилось не на нас, не на дочке, а на внуках, на малышах этих». А хранилась заветная салатница в старинном, ручной работы буфете, сработанном ещё дедом Натальи Павловны. Она привезла его с Крайнего Севера, несмотря на активное сопротивление мужа. Этот монументальный монстр из красного дерева не влез бы ни в одну городскую кухню. И сейчас он служил перегородкой — делил большую комнату на две части. Это деревянное чудовище содержало в себе огромное количество всевозможных ящичков, полочек, имелись также и дверцы, большие и маленькие, как с узорчатыми, так и с цветными стёклами. И вся эта роскошь запиралась на немыслимое количество замочков. Ключи от них всегда находились при бабе Наташе. Так вот, прошедшей зимой старики получили письмо от нежно любимых внуков. В своём послании Витя, а писал именно он, так как из них двоих самым грамотным был он, хотя в конце письма имелась и подпись Наташки в виде её растопыренной ладошки, обведённой красным фломастером, так вот Витя писал, что к ним в класс приходил священник. Он объяснял детям суть греха. Оказывается, обманывать старших — очень большой грех. Придя из школы домой, Витя всё рассказал сестре, и, посоветовавшись, они решили признаться дедушке и бабушке в одном таком грехе. Оказывается, дети прошлым летом потихоньку таскали конфеты из этой самой салатницы. А добывали они эти злополучные конфеты довольно хитрым способом. Дело в том, что один ящичек в буфете бабушка никогда не запирала. В ящике хранились ножи, ложки и вилки. А этот ящик как раз и находился над стратегическим запасом конфет — так называл Виктор Викторович эту салатницу. Дети снимали ящичек, клали его на пол, а затем, опуская в открывшийся проём руки, спокойно доставали конфеты, набивали ими карманы, после чего ящик аккуратно водружался на место.

Вот за этим занятием дед однажды и застал своих любимых внуков. К большому удивлению детей, дедушка ругаться не стал, а как-то очень заинтересованно спросил: «Ну, а что там ещё есть?» — «Водка», — сказал Витя. «Да

ну», — не поверил дед. «Правда! — сказала Наташка, — там много бутылок!» — «А ну, дайτε-ко я погляжу, — сказал дед и сунул руку в проём, нащупал горлышко и вытащил на свет божий бутылку водки. — Ты смотри! — сказал он, улыбаясь, и как-то совершенно «случайно» сунул её за пазуху. — Ну, ладно, ребятки, давайте быстро ящик на место, чур, больше так не делать, а то я всё бабушке расскажу». «Деда, а бутылку-то мы не убрали», — сказала Наташа. «Ничего, я её потом сам уберу, — сказал дед, надел пиджак, переложил бутылку во внутренний карман и пошёл к выходу. — Я к Петровичу — у него мотоцикл чего-то забарахлил — пойду помогу». — «Правильно, деда, соседям надо помогать», — сказала Наташка.

Дочитав письмо, старики долго смеялись. Особенно старательно смеялся Виктор Викторович, видя, что жена не сердится на него за его проказу. А Наталья Павловна встала и, подойдя к буфету, решительно заперла на ключ ящик, в котором хранились ножи, ложки и вилки. Перед сном Виктор Викторович вышел на крыльцо выкурить сигарету. Их домик стоял на берегу реки. Воздух над водой был чистым и прозрачным. В реке, как в зеркале, отражался противоположный крутой, поросший ивняком берег. А чуть подальше, за небольшим полем, виднелась кромка соснового леса с висящей над ним огромной жёлтой луной. Сигарета давно погасла, но уходить не хотелось, было только одно желание — глядеть и глядеть на эту красоту. Окно на веранду было открыто, Наталья Павловна стелила постель. «Витя, ты что, спать сегодня не думаешь?» — спросила она. «Иду-иду», — и, оглядев по-хозяйски двор, убедившись, что всё в порядке, он шагнул на веранду.

Лёжа в постели, вооружившись карандашом и очками, Наталья Павловна корпела над кроссвордом. Спать не хотелось. «У тебя есть что-нибудь почитать, Наташа?» — «Есть детектив и славянские сказки, тебе чего?» — «А пожалуй, ничего не надо, может, и так усну». — «Скажи ты мне, Витя, жидкость, четыре буквы?» — «Ну, допустим, вода», — сказал Виктор Викторович. «Тьфу ты, конечно, вода, и по буквам всё подошло, что-то я сегодня не в форме, на простые вопросы не могу ответить». — «Завтра, бабушка, здесь будет шумно», — сказал он. «И весело, де-

душка», — в тон ему ответила Наталья Павловна и отложила кроссворд.

Со стороны реки послышался всплеск, а потом заскрипели уключины. «Петрович пошёл сети проверять, ты чего-нибудь вкусенького детям приготовила?» — «А как же! Компоты из подвала достала, завтра пирожков любимых напеку!» Оба замолчали. «Ой!» — вдруг тихо вскрикнула Наталья Павловна. «Что такое?» — встревожился муж. «Да забыла совсем... «резерв главного командования»...» — «Ну как же ты так?» — огорчился супруг.

Резерв главного командования — так в этой семье назывался гороховый суп. Его мастерски готовила баба Наташа по одному известному ей рецепту. Внуки обожали его, они были готовы есть любимое блюдо хоть каждый день! А вот Виктор Викторович ненавидел этот суп. Немало ему довелось похлебать его за годы службы. В жуткие годы перестройки и реформ однажды их гарнизон целую зиму кормили только гороховым концентратом. Поэтому на вопрос внуков, почему дедушка не любит гороховый суп, приложив руку к груди, проникновенно ответил: «Душа не принимает, детки». Как-то прошлым летом маленькая Наташа, бойко уплетая этот самый суп, сказала: «А у нас в детском саду воспитательница почему-то гороховый суп называет музыкальным». — «Ваша воспитательница ничего не понимает! — возразил ей Витюшка. — Когда мы с классом ходили в поход, наш учитель физкультуры сказал, что в армии этот суп называют артиллерийским». — «Не знаю, в какой армии служил ваш учитель, я сам артиллерист, но мы в армии называли этот суп резервом главного командования». — «А почему, дедушка?» — спросила Наташка. «Вырастешь, узнаешь, — глубокомысленно заметил её брат. — А вообще-то, маленьким девочкам рано интересоваться солдатскими делами, так ведь, дедушка?» В знак согласия дедушка опять же с серьёзнейшим видом кивнул головой.

«Как же это я совсем позабыла...» — Баба Наташа поднялась с постели. Обычно она, прежде чем варить суп, замачивала горох с вечера. Ну да ничего, благо горох находился тут же, на веранде. Здесь в небольшом шкафчике она хранила все крупы. А вот идти на кухню за маленькой кастрюлькой не хотелось. Но тут взгляд её упал на

эмалированный бидончик, стоявший на подоконнике. Она высыпала в него необходимое количество гороха и залила его водой из графина, который стоял тут же. «Ну вот и всё, спасибо тебе, Витя, что вспомнил про вкусненькое», — сказала она, укладываясь поудобнее. «Ну и ладно, спи теперь», — сонно пробормотал Виктор Викторович. Они затихли. Где-то под потолком звенел одинокий комарик. Впрочем, он уже никому не мешал, вскоре к его звону прибавилось мягкое похрапывание и посапывание хозяев.

Проснулся Виктор Викторович от настойчивого шёпота звавшей его супруги: «Витя, Вить... ты слышишь?» Открыв глаза, он по армейской привычке бросил взгляд на часы — шесть-ноль три. И сразу же услышал какой-то подозрительный шорох и лёгкое потрескивание. «Поздравляю, у нас на веранде — мыши!» — с выражением ужаса на лице прошептала Наталья Павловна. Ужас её был понятен Виктору Викторовичу, он знал, что больше всего на свете она боялась мышей, боялась их с детства, боялась патологически. Потрескивание прекратилось, но уже через минуту весело и азартно новая серия поскрёбываний нарушила тишину. «Где это?» — чуть слышно спросил он. «Под столиком у окна», — одними губами прошептала она. Виктор Викторович осторожно повернулся на бок и внимательно вгляделся в сумрак под столиком. Но ничего там не увидел. Тогда он взял с подоконника деревянный брусок, не позволявший оконной раме закрываться, и осторожно, на цыпочках, стал подкрадываться к столику. Шуршание прекратилось. «Ноги... они видят твои ноги», — свистящим шёпотом по-

яснила ему жена. Героический супруг взобрался с ногами на табурет и присел на корточки, держа наготове зажатую в руке деревяшку. Шуршание возобновилось. «Ты знаешь, по-моему, это на столе», — тихо сказал он. «О-о-ой», — заскулила в постели жена. Виктор Викторович осторожно склонился над бидоном и вдруг засмеялся, высоко подняв его над головой. «Поймал я твою мышь, Наташа», — сказал он и подошёл к кровати. Она в ужасе отпрянула к стене. «Ты что, не надо, убери, я её боюсь!» — «Да нет там никакой мыши, это горох от воды распух и лопается — понимаешь?» Перепуганная Наталья Павловна с опаской заглянула в бидончик, и в это время лопнуло ещё несколько горошин. Они смеялись долго, смеялись до слёз. Спать уже не хотелось, Виктор Викторович торжественно водрузил бидончик на место и, взяв сигареты, вышел на крыльцо.

В стороне райцентра медленно поднималось солнце. Теперь противоположный берег был в глубокой тени, в ивняке чирикали ранние птицы. Пахло речной сыростью. «Да, — подумал Виктор Викторович, — бывает же такое». Через открытое окно веранды до него опять донёлся звонкий смех жены. «Чего ты там? — спросил он. — Всё мыши покоя не дают?» — «Да! — сквозь смех сказала она. — Видел бы ты себя со стороны, как в трусах, с калабашкой на табуретке, босой да ещё и на корточках... ой... не могу». Он тоже рассмеялся, вспомнив её округлившиеся от страха глаза и свистящий шёпот, и сказал: «Ставь-ко давай чайник, да будем гостей поджидать».

□

Леонид АВКСЕНТЬЕВ

родился в пос. Ильинский (Олонецкий р-н) в 1951 г.

С 1968 г. проживает в Петрозаводске.

Автор двух поэтических сборников: «Солнечная река» (2002)

и «Трансплантация души» (2006).

Лауреат премии «Филантроп» (2004) в номинации «Поэзия».

Победитель конкурса новелл стран Баренц-региона (2008).

